

Сикстинская капелла

Итак, Сикстинская капелла. Та самая, про которую величайший гений земли Гёте отозвался так: «Не повидав Сикстинской капеллы, невозможно себе представить, на что может быть способен человек»

Да, именно Микеланджело Буонаротти впитал в себя столько могущественного Света, что смог стать эпохой Возрождения...

И пусть не обижаются на меня Леонардо да Винчи за то, что я не посвятила его труду целый рассказ. Ведь то, что я прочувствовала сердцем в Сикстине, а потом и осмыслила разумом, аксиомно подтверждает и его труд, созданный его разумом и знаниями.

Итак, где-то в январе 2009 года, я выразила мужу своё желание посетить Капеллу. Точнее, объяснила ему, почему мне необходимо её посетить. И он, вместе с дочерью, по секрету от меня, организовали эту поездку, причём, сумев, на этот раз, точно приурочить её к моему дню рождения. И, хотя туристическая программа предусматривала, сначала, двухчасовое хождение по музейным залам Ватикана, до которых мне, откровенно говоря, никакого дела не было, я невероятно обрадовалась этому подарку.

День выдался прекрасным. Не палило, не дуло, а синева и молодая зелень ласкали глаза. Заказанная нами гостиница, оказалась всего в полукилометре от ж/д станции. И хотя до свидания с Ватиканом оставалось ещё более часа, муж настоял, чтобы мы отправились туда на такси. Известно же – туризм труд тяжёлый.

И как же он оказался прав!

Через четверть часа, мы были на месте.

И толпа, её биополе, источаемое неисчислимым количеством разнокалиберных и разноокрашенных тел, составляющих её организм; многотональный и разноэмоциональный шум, являющийся её голосом; неутрачиваемая ни на мгновение суэта, работающая у неё за сердце, буквально повергли в шок. И пока я приходила в себя, оно, это поле, в ускоренном ритме обволакивало мой мозг и душу, уже заставляя их тратить драгоценную энергию. На защиту, чтобы сохранить способность понимать и чувствовать...

Но...

Меня сразу удивило, что огромная очередь, состоявшая из людей, не заказавших предварительно билеты, продвигалась быстро. Даже слишком быстро, для такой «толстой», многослойной очереди. Не могла она продвигаться с такой сказочной быстротой. Но продвигалась...

Почему, -- стало ясно позже.

Нам же очередь не грозила. Мы спокойно перекусили в каком-то поганеньком, но дорогом, трактире и ровно в 11. 30 зашли в здание. Прошли досмотр, как в аэропорту, и поднялись на второй этаж. Там собирались группы туристов, предварительно заказавших и оплативших эту экскурсию. Отмечу, что стоимость одного такого билета 30 евро.

Но толпа была и там. «Дружеское плечо» ощущалось в любом углу. Какие-то парень и девушка, одетые в форму, раздавали туристам миниприёмники и наушники, что-то устало и заученно при этом им объясняя.

В жуткой духоте, мы ожидали своей очереди. И когда она подошла, выяснилось, что эти радио были нужны, чтобы слышать нашего экскурсовода.

Это было странно. Даже очень. Ведь нигде, даже в Лувре, такого не было...

Ладно. Получили мы свои радио, надели наушники и услышали голос молодой женщины, нашего экскурсовода. Она вежливо приглашала нас хорошенько опробовать приёмнички, чтобы спокойно пуститься в путь по залам Ватикана.

И началась канитель. Кто-то слышал урывками, кто-то вообще не слышал... Словом, только в 12.30, группа из пятидесяти человек (!) двинулась к искусству... Чтобы, в бесконечнослойном теле толпы, выбраться, наконец, на воздух, во внутренних двор Ватикана, и снова... затормозить, потому что у кого-то опять закапризничали искусственные уши.

-----Такого у меня ещё не было. Странно... -- потерянно заявила экскурсовод.

Мы стояли под достаточно уже окрепшим солнцем, потели и хотели пить.

Экскурсовод наша бегала по внутренним коридорам покинутого здания, выискивая техпомощь. Сикстинская капелла поджидала нас где-то уже очень и очень далеко, а нескончаемая толпа непрерывным морем лилась и лилась во двор...

Наконец, вернувшись гид, заменила барахлящие аппараты прослушивания на принесённые и подозвала нас к картинкам Сикстины. Серия таких картинок были установлены по всему периметру двора. Гид подняла к одной из них указку и начала свой рассказ. О том, как, кто и когда построил эту капеллу, что изображено на фресках XIV столетия, выполненных на боковых стенах капеллы итальянскими мастерами Пинтуриккьо (Бернардино ди Бетто), Сандро Боттичелли, Козимо Россели, Лука Синьорелли, Доменико Гирландайо и Пьетро Перуджино, - сцены из жизни Моисея и Спасителя, о пилястрах между окнами этих стен, на которых С. Боттичелли запечатлел 28 портретов представителей Бога на земле, о работах самого Микеланджело...

Я и этого не поняла. Не поняла, почему она рассказывала по картинкам. Почему не в самой Сикстине, как это было при посещении фрески да Винчи?

Только около двух часов, мы, наконец, двинулись. И целых два часа пробивали себе локтями и плечами путь к искусству, по душливым, без какого-либо кондиционера и свежего воздуха музейным залам Ватикана. А на наш ожидаемый, по этому поводу вопрос, она весело ответила:

-----Это ещё что! Попробуйте представить себе, что здесь твориться летом!...

Н-да. Но когда она оповестила нас и о том, что каждый день музеи Ватикана посещают не менее 20 тыс. человек, одна из женщин нашей группы не выдержала:

-----Так это же минимум по 500 тыс евро в день! Почему же они хотя бы не отрегулируют потоки посетителей? Почему не сделают паузы между группами?

На этот раз экскурсовод смутилась. Помялась, помялась... И промычала:

-----Так это же большие деньги... время... Понимаете?

-----Vergogna! (стыд!) – отрезала женщина...

Да, только тогда стало ясно, почему так быстро продвигалась та очередь. И почему нам выдавали радиоприёмники.

Деньги!

Мы были в католическом храме Денег.

Что и требовалось доказать.

И я перестала задавать себе, уже успевший мне самой надоесть вопрос: как это посмели монахи той церкви, где Леонардо да Винчи написал свою Последнюю вечерю, отбить ноги у Христа? И только для того, чтобы им поудобнее было проходить в дверь: не нагибаться....

Но я хорошо помнила, что в зале, где хранится фреска Леонардо, царствовала тишина. Что группа наша состояла всего из 25 человек. Что наша экскурсовод заговорила там благоговейно-тихо. И что Сикстинская капелла – это святая святых католиков. Значит, уж где-где, но там-то, наверняка, господствовал порядок и достоинство. И упоительно-величественная Тишина...

И всё-таки, несмотря на весь этот окружающий меня хаос, я смогла увидеть и даже прочувствовать мою первую встречу с Микеланджело. А точнее, с тем, что он так самозабвенно любил, чем восхищался всю жизнь и чем был пленён и очарован

всей душой. И куда, будучи уже почти слепым – следствие его работы над Страшным судом, -- часто просил себя отвести, чтобы восторженно и покорённо ласкать его своими руками ...

Это был кусок античной греческой скульптуры «Торс», прозванной, в последствии, «Торс Микеланджело».

Что именно я почувствовала во время моей первой встречи с душой гения? Если коротко, -- то, что позже мне открылось в Сикстине. Но и не только – этот «Торс» стал и безоговорочным доказательством безошибочности того, что я познала в капелле...

Итак, проведя нас по всем, предусмотренным программой залам Ватикана, наша гид довела нас до туалетов, от которых начинался последний подъём по лестнице, ведущей прямо в Сикстину. Мягко отобрала у нас радиоприёмники, поблагодарила за внимание и... откланялась.

Сначала я очумела...

Потом всё вспомнила и поняла.

Но я всё ещё надеялась...

И... о, радость! Последние шаги до великого таинства!

Мы зашли в Сикстину. Без малейшей, хоть чуточку означенной очереди.

И оглохли, и оторопели. И чуть не пошатнулись от жестокой волны биополя мёртвых, которая обрушилась на нас, как оголодавшая свора вырожденков... И от вибрирующего негодованием и издержками терпения голоса стражников порядка, обращённого к сплошному телу толпы:

-----No foto! Молчать! Не сидеть! Не стоять в проходе! Проходить! No foto!

Молчать! Проходить! Не сидеть! Не стоять в проходе!...

И всё, что во мне оставалось ещё могучим, всё, что смогло выдюжить четырёхчасовую пытку битвы с биогадом толпы, всё, что ещё сохранило за собой, данное ему Вселенной право оставаться Светом, я смогла задействовать на то, чтобы остаться наедине с гением Микеланджело и впитать, впитать в настежь распахнутую душу, его Свет...

Да! Семижильной должна быть твоя душа, чтобы суметь противостоять Толпе. Только души равные Ей, Толпе, не изнемогают и не умаиваются вусмерть от борьбы с Ней. Ибо заражены Её болезнью. А передаётся Её болезнь Смерти легко. Куда легче и быстрее, нежели любая другая. И нет от неё никаких пространственных, материальных или временных защит. Даже наукой уже доказано, что больная клетка заражает здоровую и через толстое кварцевое стекло...

Волной...

Муж стоял рядом. Всей сутью я чувствовала его присутствие. Как взял он меня под защиту, как плотно обернул мою душу в единственный непроницаемый никем и ничем кокон – кокон Любви. И как напрягся он в этой битве со Злом, которое никак, весь этот долгий, пытошный день, не хотело допустить меня к Свету Гения...

И ради того, чтобы я смогла это сделать, он отказался от Микеланджело...

И тогда, даже многодецибальные, взвинченные до унисона со смертью выкрики стражников обеззвучились...

Свершилось...

Но как передать словами эту встречу, душа к душе, со Светом???

И даже если бы я нашла эти слова, способные понести в себе столько Света, то как бы я смогла осветить ими не желающую Света душу??

Но я смогла организовать такую встречу моему мужу. Тихонько посоветовала ему отвести его глаза от фрески Страшного суда и остановить их на пару минут на настенных фресках великих мастеров Италии. А потом вновь возвратить их к Микеланджело...

Он послушался. И я увидела, каким Светом озарилось лицо моего мужа...
И вот только тогда, и он и я, одновременно ахнули!
Мы оба опустили глаза ещё ниже – на скульптуру распятого Христа, которая возвышалась точно под Христом Микеланджело, и которая освящала алтарь капеллы...

Нет слов, чтобы описать то, что мы ощутили. Ну, как если бы ваши глаза, после долгого, ничем не омрачённого созерцания ландышей и тюльпанов, неожиданно опустились бы на бурлящую белыми глистами и навозными жуками помойную яму... Отвратный, чахоточный заморыш, настолько щедушный, что его, казалось, можно было и плевком перешибить, вызывающе-торжественно увенчивал престол его представителей на земле...

Но и давал недискутируемое доказательство всему, что уже написано в Исповеди, и предоставлял точнейшее изображение тех душ, которые возвели его в своего бога...

Что ж. Это -- естественно. Ведь только такого Христа и можно было распять. Никогда Иисус Микеланджело не оказался бы на его месте. Никогда не стал бы опощённым и оплётанным, окончившим свой путь на позорнейшем кресте... Каждый выбирает себе богов, а значит, и судьбу, по образу и подобию своему.. Мы вышли на улицу. Покурили, помолчали...

Да, помолчали. Ведь нельзя оскорблять ТАКОЕ первыми попавшимися, приблизительными словами...

Отдохнув немного, мы направились в Собор св. Петра. Не потому, что его посещение входило в стоимость экскурсии. А потому, что мой муж, до сегодняшнего дня, так его и не видел.

Дело в том, что я этот Собор уже посетила, причём, совершенно без очереди, во время моей первой поездки в Италию, в 1990-м году. Об этом ещё будет подробный разговор впереди. Но мой муж, даже когда мы потом вместе приехали в Рим, остался «не солоно хлебавшим» – Собор, в тот день, был закрыт для туристов. А в этот, к нему тоже стояла очередь. В которую нам пришлось стать, поскольку наш билет предусматривал внеочередность посещения Собора только при условии, если мы зайдём в него сразу, непосредственно из капеллы. А в тот день, заветная дверь была закрыта.

Но увы, уже через пятнадцать минут нам сообщили, что Собор закрыт...

Да, нас снова туда не пустили...

Что ж, мы вышли из Ватикана, сели на край какого-то деревянного подмостка и...
Экскурсия ещё не закончилась...

Прямо в нашу сторону, на второй скорости, шёл один католический священник. Гордо и высокомерно нёс он свою святую голову, а огромный крест висел на его могучей груди. Холодные, умные глаза смотрели прямо вперёд, ни на кого не обращая внимания. И я бы его даже не заметила, если бы, как из под земли, не появилась перед ним одна маленькая, пожилая женщина и не воскликнула, обращаясь к нему:

-----Профессор!...

И столько отчаяния было в её восклицании, столько уничижительной, невысказанной мольбы, что если бы она тогда упала перед ним на колени, я бы не удивилась. Профессор затормозил. Что-то односложно ей сказал. И перешёл на третью скорость. А она что-то сбивчиво и путанно продолжала ему говорить, жалко семеня за его удаляющимся телом.

И оно перешло на четвёртую...

Мало что мы с мужем смогли расслышать. Но и того, что смогли, нам хватило с избытком: она просила помощи, специально приехав к нему сегодня. Но у него не

оказалось для неё и секунды времени.

Он так и не остановился.

И почему-то, я тут же вспомнила ту христовую историю про «псов»...

Что ж. Священник поступил, как и его бог.

Мы шли к метро. Обсуждали произошедшее. И в который раз поражались тупости человеческой. Наверное, к ней никогда не привыкнешь...

Программа нашего предыдущего посещения фрески Леонардо, включала, как вы помните, визит в театр Ла Скала. На этот же раз -- только Ватикан. И я предложила моему мужу попытаться счастья в Оперном театре Рима. Неважно, какой именно спектакль мы бы там посмотрели. Важно попасть!

Ровно в 17.40, усташие и потные, одетые в джинсы и кроссовки, мы стояли в очереди к кассам театра. А ещё через пару минут узнали, что «давали» в тот вечер четыре отдельных минибалета на музыку разных композиторов, и начинался этот спектакль в 18.00.

Так мы и попали в театр, в чём были. Но когда зазвучала неземная музыка Чайковского и Стравинского, когда я увидела этих прекрасных, воздушных, чарующих своим мастерством балерин-женщин, стала понятна мне и ещё одна, простейшая истина о работах Микеланджело: если бы он тоже побывал на таком спектакле, если бы тоже смог увидеть, какими прекрасными и совершенными могут быть тела женщин, тех женщин, которых в его времена принимали за бездушных животных, с рыхлыми телами и пустыми мозгами, рожающими и живущими только в грехе, он бы навсегда отдал истинной Женщине её Трон -- Трон Красоты.

Кстати, в подтверждение того, что даже понятие о женской красоте во времена Буонаротти рассматривалось только сквозь призму доставляемых ею постельных утех мужчине, посвящу и пару слов одному из общеизвестных эталонов красоты, -- скульптуре, под названием «Венера».

Представьте себе эту Венеру, скажем, в возрасте тридцати лет. Или, после уже первых родов....

Да. Это и есть то, что напрочь было отвергнуто Микеланджело -- обрюзгшее, заплывшее жиром рожающее животное... Но которое, как и требуется, никогда не могло и не сможет защитить себя и своих детёнышей от самца...

«Венера» — только символ самки, способной доставлять наибольшее плотское удовольствие самцу-мужчине...

И только уже в гостинице, лёжа в ночной тишине, вновь и вновь беседуя душой с сердцем Микеланджело, я смогла осознать разумом и оформить в человеческие слова то, что я прочувствовала в Капелле, а до неё, впитывая в себя неусыхающее биополе «Торса».

И когда озвучила эти слова моему мужу...

Да, он тоже всё понял. Он тоже понял, какое именно Знание оставил в завещание Микеланджело:

Гимн Человеку. Гимн его мощи и гордости, светоподобию и всесилию. Гимн Разуму его. И бездонной, никакому богу неподвластной и неравной человеческой душе... в образе Человека земли. В образе человека! Христа...

Это и есть Вселенная.

Это и есть Свет.

Это и есть Возрождение.

Это и есть воскресение из мёртвых.

Это и есть смысл сказанного Гёте.

И того, что никогда и никакой религией, ни в какие времена не будет сказано.

Потому что тогда в ней уже не будет нужды...__